

колепие». Принятие «высокого парения» од Ломоносова — это еще почти детство Муравьева.

Но уже вскоре, в 1775 году, он открывает свой сборник «Оды лейб-гвардии сержанта Измайловского полка Михайлы Муравьева» сонетом В. И. Майкова, таким образом напутствовавшего своего ученика:

Когда ты тщание свое употребишь,
 Чтоб был подобен слог певцов приятных слогу,
 Как Сумароков всем к тому явил дорогу,
 То пением своим, поверь, не согрубишь.⁸

Муравьев охотно принимает это наставление. «Хочу идти тою же стезей, какой шли Сумароков, Херасков, Майков, Княжнин, и отрицаюсь от всего другого»,⁹ — записывает он в том же году, а впоследствии, правда, не без некоторого жеманства, говорит об «удовольствии (зачем скрывать!), которое... имел от чтения Сумарокова».¹⁰ Признание «внятного», «естественного» стиля Сумарокова — это уже юность Муравьева.

Но в 1777 году (год сближения с Новиковым) решающее влияние на него начинает оказывать Херасков. «Средний», лирико-«философический» стиль Хераскова накладывает глубокий отпечаток на эстетическое развитие Муравьева. И хотя вскоре в его творчестве появляются черты, резко отделившие его от поэтов, сгруппировавшихся вокруг «Полезного увеселения», он остается во многом учеником именно Хераскова (кого бы он сам ни выдвигал себе в учителя). Значительная часть произведений Муравьева отныне проникнута духом лирической «философичности». Однако почти в это же время он предпринимает поэтические опыты и совершенно иного порядка. Настала зрелость, требующая своего, индивидуального выражения.

В один год с появлением «Россиады», эпопеи, созданной в соответствии с требованиями классицизма, Муравьев пишет серию небольших стихотворений, объединенных им, как мы уже указывали выше, в цикл под названием «Pièces fugitives».

⁸ В. И. Майков. Сонет Муравьеву. В кн.: М. Н. Муравьев Оды лейб-гвардии... СПб., 1775.

⁹ М. Н. Муравьев, т. 2, стр. 341.

¹⁰ ГПБ, Архив Муравьева, папка № 23. (В дальнейшем цитируется: ГПБ). В связи с этим вызывает недоумение утверждение Л. И. Кулаковой о том, что Муравьев якобы обнаружил «полнейшее непонимание личности и значения одного из замечательных русских поэтов» (Л. И. Кулакова. М. Н. Муравьев. «Ученые записки ЛГУ», вып. 4, 1939, стр. 9) и занимал последовательную антисумароковскую позицию. Цитированное же ею высказывание Муравьева в письме к отцу выражает его мнение о Сумарокове — человеке, а не писателе.